

что тогда ей невозможно будетъ оставаться равнодушной. Разумѣется, безпристрастія никакого не было, разумѣется, вѣнскій дворъ поощрялъ поляковъ къ сопротивленію и интриговалъ противъ Россіи и противъ Пруссіи. Но, еще разъ, все это дѣлалось крайне умѣренно и чрезвычайно осторожно, такъ, чтобы не подать ни одной изъ этихъ державъ повода къ мотивированнымъ жалобамъ и не задѣть черезъ-чуръ рѣзко. Какъ только образовалась конфедерація и русскія войска готовились переступить границу, гр. Мерси получилъ приказаніе выѣхать изъ Варшавы, что и исполнилъ. Австрія устранилась отъ выѣшательства и стала выжидать событій. Этимъ она приобрѣла двѣ и даже три выгоды: во-первыхъ, не поссорилась въ конецъ съ Россіей, оставшись съ нею въ холодныхъ и натянутыхъ, но все же не въ открыто враждебныхъ отношеніяхъ; во-вторыхъ, сохранила расположеніе поляковъ, которые продолжали вѣрить въ дружбу и въ поддержку Австріи даже въ то время, когда она первая въ тихомолку ограбила ихъ; въ-третьихъ, наблюдая за событіями издали, она имѣла возможность предвидѣть многое въ нихъ заранее и воспользоваться ими прежде, чѣмъ кто-либо подумалъ воспротивиться ей. Мы увидимъ позднѣе, что даже дальновидный Фридрихъ не успѣлъ принять никакихъ мѣръ, какъ уже Австрія, безъ криковъ и безъ видимыхъ насилій, обезпечила себѣ свою долю.

Н. С.